

«Я свил свое гнездо на парике Вольтера...»

Генрих Гейне в Париже

Русская мысль - Париж - 1997 - № 22 январь - с. 10-11

Продолжение. Начало в "PM" №4156.

Матильда, жена Генриха Гейне.

«На берег Сены попал я один, — написал Гейне в альбом Гансу Христиану Андерсену, посетившему Париж в 1843 году, — друзья мои в плавании не были крепки, на дне родном погибли друзья».

В Париже друзей было немного, ибо Гейне принадлежал к тем, кто с легкостью создает себе не друзей, а врагов. Всем известно, что о мертвых следует говорить только хорошее, «но о живых, — утверждал Гейне, — следует говорить только дурное». Те, кто считался его друзьями, иногда были вынуждены ими быть, боясь злого и меткого слова поэта. А выставить в смешном виде — это он умел.

Русская красавица в Париже, графиня Калерги (урожденная Нессельроде), славившаяся своей ослепительно белой кожей, воспетой Теофиль Готье в стихотворении «Симфония в мажоре на белых клавишах», пожелала познакомиться с поэтом. Она действительно произвела на него впечатление: «Это не женщина, это монумент, это храм бога Амура», — воскликнул Гейне и за одну ночь написал ей стихотворение. В переводе Тьянова оно звучит следующим образом: «Зовется она графиня Бьянка, / Большая белая иностранка, / В Париже у франков ее салон, / И вот в нее влюбился слон...» Вероятно, белокожая красавица графиня еще более побледнела, ознакомившись с посвященным ей стихотворением, которое так и называлось «Белый слон».

Немногие из друзей навещали Гейне во время его длительной и неизлечимой болезни, сочувствие исчезало, и друзья не являлись на Амстердамскую улицу по полгода. Он их и не обвинял, иронизируя, что «слишком долго», если можно так выразиться, умирает: он знал, что верность хранят враги, а не друзья.

Когда поэту однажды доложили о приходе Берлиоза, Гейне воскликнул: «Что? Кто-то пришел ко мне? Берлиоз всегда был оригиналом!»

Оригиналом Берлиоз и остался, он похоронен на том же Монмартрском кладбище совсем недалеко от поэта. Своего друга Бальзака, посвятившего Гейне рассказ «Принц богемы», поэт «потерял и оплакал»; по его словам, одни друзья «уходили в могилу, другие — просто отходили».

Жорж Санд, которая почему-то называла Гейне «кузеном», а он ее «кузиной», а потом просто «стервой», не интересовалась поэтом с тех пор, как тот заболел. Александр Дюма письменно много раз выражал желание его навестить. «Это хорошая мысль, — заметил поэт, — вы в любое время застанете меня дома, я никуда не выхожу; так длится уже пять лет». Так будет длиться до самой смерти.

Что же касается его соотечественников, то, «по-видимому, миссия немцев в Париже была предохранить меня от тоски по родине», — писал поэт. Однажды один из его немецких друзей спросил, хочет ли он вернуться на родину. «Едва ли, — ответил Гейне. — Я Тангейзер, который пленен в горе Вены, волшебница не отпускает меня». «Волшебницей» была Франция.

Одновременно со «сказочной тоской» по родине он чувствовал себя «Летучим голландцем»: «Мне понятна боль, с которой капитан заколдованного корабля однажды сказал: «Если я когда-нибудь вернусь в Амстердам, то скорее превращусь там в камень на углу улицы, чем снова уеду из города»». (По странному совпадению, прикованный к постели поэт «камнем» пролежал на Амстердамской улице в Париже).

Стихотворение Гейне о «Летучем голландце» взял для либретто своей оперы «Der Fliegende Holländer» Рихард Вагнер, использовавший также стихотворение Гейне о Валькириях — «Gezang der Walküren» (в скандинавской мифологии девы, реющие на поле битвы). Рихард Вагнер и Генрих Гейне, познакомившись во Франции, были друзьями до появления стихотворения Гейне «Поэтико-музыкальный союз молодых котов», после которого композитор навсегда рассорился с поэтом.

В Париже поэт познакомился с еще одним немцем, а именно с Карлом Марксом, которому было в то время двадцать пять лет. Вернее, Маркс, прибывший в Париж в ноябре 1843 года и поселившийся в доме 38 по улице Ваню, сразу же нанес визит больному поэту, которому понравился этот «молодой титан со всклокоченной шевелюрой и сверкающими глазами». По просьбе Маркса им было написано знаменитое стихотворение «Ткачи» («Weberlied»). Пророки и поэты, как известно, лучше всего предвидят будущее: так, Гейне предсказал, что оно принадлежит коммунистам.

Карл Маркс, понимая значение пропаганды, не случайно заказал стихотворение, рассказывающее о восстании ткачей в Силезии поэту, которому Гейне и понятия не имел, что стихи его положены на музыку и что поют их повсюду в Германии не только на дорогах и в тавернах, но

также и в светских гостиных. Соотечественники рассказывали ему, что на его стихи написали музыку Мендельсон, Шуберт, Лёве (музыка Лёве нравилась Гейне больше всех). Но все эти новости доходили до Гейне случайно. Постоянно он слышал бречанье на «фортепьянах» — на нижних этажах барабанили этюды Черни или исполняли модную в то время «Тоску по Киеву» Юлиуса Шульгофа.

В 1852 году в Париж, вероятно, для того, чтобы попрощаться с умирающим поэтом, заезжал его брат Максимилиан (Макс) Гейне, приехавший не из Германии, а из России. «Макс, так ты опять, проказник, едешь к русским...», — пишет поэт в стихотворении «Моему брату Максиму». «Проказник Макс» действительно опять вернулся в Россию, где служил врачом в русской армии, с которой проделал Балканский поход, и даже написал о нем книгу под названием «Картины Турции». Он был женат на дочери придворного врача Арендта, прожил до конца своих дней в Петербурге, где и похоронен.

Верным оставался и Жерар де Нерваль, приходивший к Гейне, когда его отпускали из клиники доктора Бланша, ибо этот «самый немецкий из всех французских поэтов» был психически болен. Переводчик на французский «Фауста» Гете, он также работал над переводами из Гейне. Ему первому однажды Гейне прочел свое «verfehlt Liebe, verfehlt Leben», невозможное для перевода даже гениальному Жерару де Нервалю.

Здесь, во Франции, Гейне чувствовал себя «изгнанником, сосланным еще и в чужой язык», хотя французский был ему знаком с детства: в Дюссельдорфе он учился в колледже францисканского монастыря. Но можно сказать, что «в другой язык» поэт эмигрировал скорее с удовольствием, ведь в Германии (так же, как и в России) умение говорить по-французски считалось одним из атрибутов высшего общества. А в Париже даже извозчики так говорили по-французски, как и не снилось какой-нибудь русской или «немецкой аристократке с 64 предками».

Живя во Франции годами, Гейне хорошо говорил по-французски, но иногда, «шутки ради», начинал произносить «свои сарказмы» с подчеркнутым немецким акцентом. Один из его друзей, встретивший поэта в Париже через десять лет, заметил, что тот в разговоре подыскивал немецкие слова. Гейне объяснил, что с немцами он мало общается и что жена у него француженка и весь быт его — французский.

Жена у Гейне действительно была француженкой, и звали ее Крессенция-Эжени Мира. Он ее называл Матильдой, и не потому, что Крессенция была непроницаемым именем. «Моя Матильда» звучало так же, как «моя Дульцинея». Первой «Матильдой» поэта была некая англичанка, с которой он флиртовал когда-то на Луккских водах.

Париж

Окончание следует.